

Светлана Пятилетова

Путь матери

Светлана Александровна Пятилетова

Путь матери

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73181598

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о том, как находясь с самого раннего детства и по настоящее время в сложных жизненных ситуациях, автор находит силы смотреть вперед, помогать себе и окружающим. Понимая, что как бы ни поворачивалась к тебе жизнь – всегда нужно оставаться прежде всего человеком!

Светлана Пятилетова

Путь матери

Путь матери – это дорога без карты. Никто не вручает инструкцию, как дышать в такт с чужим сердцем, как не дрогнуть, когда под ногами рушится земля, как находить силы, когда собственные иссякают. Здесь нет направления – только выбор каждой секунды: идти, нести, держать. Единственный компас – её сердце. Оно не ошибается. Оно просто знает: пока бьётся – путь продолжается.

Анжелика

Я росла единственным, поздним и горячо любимым ребёнком у своих родителей. Маме было слегка за сорок, папе – за пятьдесят, когда судьба подарила им меня.

С меня не то что сдували пылинки – не давали им упасть на мою светлую и курчавую голову! Каждое утро начиналось с маминого: «Солнышко, ты поела?», а заканчивалось папиным: «Доченька, свет выключи – глаза береги». Я купалась в родительской любви и заботе, а детскими своими мыслями представляла, что так живёт каждая девочка в мире. Что так – нормально.

Время шло. Я росла, и мне уже становилось тесно в родительских стенах и бесконечных объятиях. В школе подруги рассказывали, как их ругают за двойки, как запрещают гулять допоздна, как заставляют мыть посуду. А у меня... у

меня всё было наоборот: любое желание – исполнялось, любая просьба – как священный указ.

Когда я закончила 8-й класс, решила уехать от них подальше. В соседний город – там жила тётя, обещала пустить меня на лето в свою квартиру, если я поступлю в техникум.

Мама плакала. Не всхлипывала украдкой, а рыдала – громко, навзрыд, прижимая к груди моего старого плюшевого зайца, будто это он был виноват в моём решении.

– Ты же ещё ребёнок! – говорила она сквозь слёзы. – Куда ты пойдёшь одна?

Отец не отговаривал. Только молчал и смотрел в сторону в день моего отъезда. Его молчание было тяжелее любых слов. Оно кричало: «мы тебя теряем».

Но... как я решила, так и будет. В конце концов – жить мне!

Я собрала чемодан, поцеловала мать в мокрую от слёз щеку, кивнула отцу и шагнула за порог. За спиной остались тёплый дом, запах маминых пирогов и тишина, которую я так отчаянно хотела покинуть.

Первые три дня в новом городе я звонила маме каждые два часа: «Всё хорошо», «Поела», «Сплю». На четвёртый день мне это уже поднадоело. На пятый – не стала звонить первой.

А на десятый... на десятый я стояла у зеркала в своей комнате и вдруг поймала себя на мысли: «А как там мама? Плачет ли по утрам?»

И тогда, впервые за эти дни, мне стало не интересно. Мне стало... пусто.

Ведь пришла моя долгожданная свобода!! Другой город, другие лица. Меня никто не знает, никого не знаю я! Полная свобода действий, как говорится, что хочу, то и ворочу! Я поступила в строительное училище, получила койку в общежитии и зажила полной, а главное, своей личной жизнью!

– Лика! Ликааа! Подожди! Куда бежишь? – кричал мне мой однокурсник Витька, – ну, постой немного, поговорим...

– А, Витя! Привет! – все же пришлось остановиться и поздороваться, мало ли что надо человеку.

– Лик, привет ещё раз! Ты куда спешишь? На занятия? Да ну их... давай, вместе прогуляем, поболтаемся по городу, посидим где-нибудь...

– Да ты что, Виктор! «Прогуляем»! Я же староста, мне нельзя! Какой пример я одноклассникам подам?

– А ты свали на недомогание, ну там, ха-ха, ваши женские дни... – настаивал он на своём.

– Виктор! – строго продолжала я, – ты что себе позволяешь?

– Да ладно ты, Лик, дольше говорим, пойдём, в наших кофейнях остывает чай, заваренный для нас...

Недолго музыка играла, недолго девушка ломалась. Мы прогуляли тогда все пары и весело провели вместе целый день. Но это ещё была не любовь... Я точно знала! Это пре-

красное чувство влилось в мою душу однажды утром, когда нам представили нового студента:

– Ребята, знакомьтесь, Андрей, ваш новый соратник в борьбе за знания! Прошу любить и жаловать!

– Андрей, занимай любое место, которое тебе нравится!

– Я, пожалуй, вот здесь и приземлюсь, рядом с этой красивой девушкой, сердце которой, надеюсь, не занято...

Вот так мы и познакомились. Андрей не спрашивал меня, хочу ли я, чтобы он сидел со мной рядом. Просто сделал выбор и поставил меня перед фактом. Наши отношения стремительно развивались! Девчонки практически все от меня отвернулись. Но, я их хорошо понимала – такой парень!! На три года нас старше, вернулся из армии, уже где-то успел воевать даже. Красивый, высокий, стильный. Всегда модно одетый. И деньги у него водились, это сразу бросалось в глаза. Мне очень льстило, что именно меня, а никакую другую, он выбрал себе в пару. Вместе мы были на занятиях, вместе проводили вечера... Близились окончание учебы, и мы выбирали места распределения. Я, в тайне от него, строила планы на совместное будущее, чтобы вместе жить, работать, заводить детей....

И вот долгожданный выпускной!! Меня, как лучшую студентку и отличного организатора всевозможных мероприятий, наградили разными грамотами и похвальными листами! Вся счастливая и особенно красивая в этот день я одаривала улыбками своих уже ставших «бывшими» сокурсни-

ков. Но все самое лучшее сохранила для своего Андрея на вечер... Отгремела музыка, выпито вино. Утром я проснулась... в кровати Андрея в его комнате общежития... смотрела на него спящего, тихонько гладила пальцем его небритые щёки и представляла, представляла... вот так – каждое утро я буду просыпаться рядом с ним, смотреть на него сонного и беречь его покой!

– Лика!! Лика!! Ты что здесь делаешь? – совершенно неожиданно крикнул он, – ты что ночевала здесь?? И было что?? О, боже! Что натворили!! И башка трещит... Не, я все понимаю, мы, как будто уже «большие», но, давай, дорогая, быстро одевайся и беги в свою комнату, спасай честь девичью... На последних словах он чуть только ещё не смеялся мне в лицо. Неприятное чувство царапнуло мне душу, но сбежать в тот момент – было, действительно, верным решением! Все-таки, до самого распределения комната мне ещё была нужна. А, ночующим в других местах, койка не полагалась. Могла с лёгкостью вылететь из своего гнезда. Благо, занять его, много желающих! Наскоро одевшись я тихо прошмыгнула на своё место. И, так как ночка была веселой не только у нас двоих, моего отсутствия никто не заметил!

– Маш, Маша!!! Ты понимаешь!! Ведь это же «залёт»! Это же все! Конец всем надеждам! Зачем мне этот ребёнок? – была я в голос через несколько недель после выпускного в комнате у своей подружки, – Ну почему, почему? Ведь все уже встречаются с парнями! Спят с ними! А попалась только

я!!

– Чего расстраиваешься, зря? – отвечала спокойно Мария, – скажи потенциальному отцу, в конце концов, вы уже отучились, работать начнёте. Распишитесь, комнату получите, родите – и будете жить, как живут миллионы людей! И, словно подслушав их разговор, открылась дверь, в комнату зашёл Андрей:

– Привет, девчонки! Как дела? Че слезы льём, по кому, кто умер? – весело шутил он, – идём вечером в кино, Маш, а то Лика в последнее время меня избегает, разлюбила, похоже!

Он ещё и шутки шутит, – стучало у меня в голове, – надевал столько дел и весело ему. На моих глазах другую в кино приглашает! Сейчас я ему устрою...

– Андрюш, пойдём, поговорим, а? – как-то жалобно у меня получилось, но всё же смогла вымолвить.

– А что, пойдём, дорогая моя. Давно я тебя, так сказать, ни обнимал, ни целовал...

Мы вышли из комнаты Маши на улицу. Холодный ветер тут же впился в кожу, будто предупреждая: «Не делай этого. Не спрашивай». Но я уже не могла молчать.

– Куда же ты пропал? Не заходишь к нам в комнату, давно уже не слышала тебя... – Голос звучал противно – просящий, жалкий. Ненавидела себя за это.

– А я к экзаменам готовился у Любки с третьего этажа (знаю, знаю, дорогой, что это за девица). Это же вам хорошо – вы все годы учились, а я экстерном – после армии. Многое

пропустил, вот и пришлось, как истинному студенту, всё в последнюю ночь догонять. Да и диплом набирал. Весь измаялся, соскучился по тебе за это время! – Он вдруг шагнул ко мне, обнял, прижал к себе.

– Андрей! Остынь! Ты что себе позволяешь? – Я резко отстранилась.

– Что позволяешь? Надо же... какая... Не так давно сама в штаны полезла, а сейчас смотри – девочку из себя корчит.

Обида обожгла изнутри, но я сжала кулаки, вдохнула поглубже. Сейчас не время для слёз. Сейчас – время сказать.

– А ведь наша с тобой ночь последствия имеет! – начала я. Он замер. Потом рассмеялся – резко, не естественно.

– Что-о-о?! Что ты сказала? Последствия? Ты о чём это говоришь? – Голос стал жёстким. – Ты ещё мне скажи, что беременна, а я – ха-ха – отец! Нет, дорогая моя, со мной такое не проскочит! Иди и скажи это тому, кто был последний, понимаешь меня? Ребёнка она на меня решила повесить! Ну уж нет! Спит с каждым, а я воспитывай? Не на того напоролась!

Каждое слово било, как пощёчина. Я стояла, сжав зубы, чувствуя, как внутри что-то трескается, рассыпается на осколки.

– Я с тобой больше никаких дел иметь не желаю, понятно объясняю? Ни видеть тебя, ни слышать не хочу! Прощай, дорогая. С тобой было хорошо, но больше – всё! Адью!

Он развернулся и пошёл прочь. Ветер подхватил его курт-

ку, раздул полы, будто крылья. Улетит, – мелькнуло в голове. – И не оглянется.

Я стояла, глядя ему вслед, и вдруг поняла: он никогда не был моим. Был иллюзией, мечтой, красивой обложкой, за которой – пустота.

И он ушёл... Ушёл, насвистывая весёлый мотивчик.

А как же я? А ребёнок? Ведь это же его сын! Он сомневается. Но я-то... Я же точно знаю!

«Кто был последний» ... Кто это? Про кого он говорит?

Андрей – первый. Он же и последний.

Я без сил опустилась на первую попавшуюся лавочку. Ветер трепал волосы, лез под куртку, будто пытался достучаться: «Очнись! Думай! «Но, в голове – пустота. Ни одной мысли. Только эхо его слов: «Ребёнка на меня решила повесить? Не выйдет!»».

Сладку ягоду рвали вместе,

Горьку ягоду – я одна...

Эти строки сами всплыли в памяти – будто кто-то шепнул их изнутри. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь. Не от холода. От осознания: всё, что я строила в мечтах – совместная квартира, свадьба, детский смех в прихожей, – рассыпалось в одно мгновение.

Мимо шли люди. Кто-то торопился, кто-то смеялся, кто-то разговаривал друг с другом. Жизнь шла своим чередом. А моя – остановилась.

«Что делать?» – этот вопрос бился в висках.

Позвонить маме? Она всегда говорила: «Доченька, если что – сразу ко мне». Но как сказать? Как произнести вслух: «Я беременна, а отец ребёнка только что назвал меня лгуницей»?

Пойти к врачу? Да, надо. Но я одна. Без поддержки.

Спрятаться? Забиться в угол, закрыть глаза и ждать, пока всё пройдёт? Но оно не пройдёт. Оно растёт внутри меня – маленькое, незащитное, ни в чём не виноватое.

Ни родителям, ни преподавателям, ни даже врачу я ничего не сказала.

Молодость... Что с неё взять? Я носила ребёнка и не думала ни о чём. Как жить дальше? Где сейчас мой «любимый»? Как с родителями объясняться?

Ни одной мысли в голове не было – до тех пор, пока малыш не начал сначала потихоньку, потом гораздо активнее толкаться.

Вот тут я задумалась.

Стало ясно: ситуация сама собой не исправится. Надо что-то срочно предпринять! Но что? И как выйти из положения?

И вдруг – как вспышка:

«А что, собственно, я мучаюсь? Есть же... Виктор!»

Он меня давно любит. Бегает за мной. Предложение не раз уже делал.

«Надо согласиться. А потом найти слова и как-то объяс-

нить... Ну, там... вот так получилось – сразу, с ходу, и ребёнок. А что? Такое бывает, да! Только жить начали – и вот, результат! Получите, распишитесь! А потом всё образуется, успокоится и уляжется. Можно будет и родителям рассказать: „Вот, мол, ваша доченька вышла замуж, родила сына!“ Все довольны и счастливы! Точно! Я – молодец! Хорошо придумала! Надо срочно воплотить идею в жизнь. Всё. Решено».

Я подошла к телефону, нашла номер Виктора в записной книжке. Пальцы дрожали, но я твёрдо набрала номер..

– Витя... Привет. Это Лика. Мне... нужно с тобой поговорить. Срочно.

– Лика?! – его голос тут же наполнился восторгом. – Конечно! Где? Когда? Я уже лечу!

– Не надо лететь. Давай... давай встретимся в парке. Через час.

– Через полчаса буду! – он не дал мне договорить.

Я повесила трубку, глубоко вдохнула. Сейчас или никогда.

В парке он ждал меня у фонтана – в новой куртке, с букетом красивых цветов. Увидел меня – и глаза загорелись.

– Лик, ты чего такая серьёзная? Случилось что?

Я молчала, подбирая слова. Как начать? Как не напугать? Как не выглядеть меркантильной?

– Витя, я... хочу замуж за тебя!

Тишина.

Он моргнул. Потом ещё раз. Букет дрогнул в его руках.

– Ты серьезно? – выдохнул он.

– Да, – сказала я твёрдо, хотя внутри всё сжималось. – Да.

Он замер на секунду – а потом вдруг рассмеялся. Громко, радостно, как ребёнок, которому подарили то, о чём он мечтал годами.

– Лика! Ты... ты правда?! – он шагнул ко мне, схватил за руки. – Это же... это же здорово! Правда, здорово!

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Он рад? Он действительно рад?

– Но... ты же понимаешь, что всё очень быстро? – про-
бормотала я. – Мы даже не вместе...

– Так давай будем вместе! – он сиял. – Давал поженимся! Прямо сейчас! Я всё устрою. Работу найду, жильё... Лика, ты даже не представляешь, как я счастлив!

Его глаза светились. В них не было ни тени сомнения, ни намёка на страх. Только восторг. Только надежда.

И тогда я впервые за много недель почувствовала, как внутри что-то оттаивает. Может, это шанс? Может, так и должно быть?

– Хорошо, – сказала я тихо. – Давал попробуем.

– Виктор! Виктор! Ты вообще слушаешь меня? – спрашивала я своего ненаглядного. – Какое платье лучше надеть: серое или бирюзовое? Виктор!!

– Даже и не знаю, Лик! Ты что-то всё полнеешь и полнеешь...

– Это от счастья, мой дорогой! Смотри, какая мы с тобой красивая пара!

– Это не мы с тобой, это ты у меня красавица! Век бы на тебя смотрел! Когда уже лето? Распишемся – и к твоим на весь сезон махнём, а? Согласна?

– Я согласна, согласна! С тобой – хоть куда: что к моим, что к твоим, лишь бы вместе!

Счастливые и молодые, мы строили планы на будущее. Представляли, как будем гулять по родным улочкам, как познакомим родителей, как...

И вдруг – резкая, ослепляющая боль.

– Ой! Ой! Витя... что же это такое?! Как же больно!! Витя...

Он мгновенно изменился в лице – испуг, паника, но тут же – сосредоточенность.

– Что с тобой, дорогая? Ты вся бледная! Болит? Где? Что? Не молчи!! Прошу тебя! Что мне сделать?

Я схватилась за живот, согнулась пополам. В глазах потемнело.

– Скорую! Скорую вызывай!!! Ааааа, как же больно!!!

Виктор метнулся к телефону, дрожащими руками набрал номер. Говорил чётко, по-деловому, хотя голос дрожал:

– Девушка, срочно! Резкая боль внизу живота, кровотечение... Да, ждём!

Он бросил трубку, подбежал ко мне, присел рядом на корточки, взяв за руку.

– Лица, слушай меня! Всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо! Я здесь, я с тобой. Держись за меня.

Я пыталась кивнуть, но боль накрывала волной – то отступала, то возвращалась с новой силой.

– Витя... что же это такое?! – прохрипела я.

– Не думай об этом сейчас. Ты – молодец. Ты держишься. Мы вместе. Мы справимся.

В его глазах – ни тени сомнения, ни намёка на страх. Только решимость. Только любовь.

Через десять минут – сирены, быстрые шаги, вопросы врачей. Меня укладывают на каталку.

– Муж? – кивает фельдшер на Виктора.

– Да! Я с ней! Я никуда не уйду! – он хватает меня за руку, не отпускает ни на секунду.

В машине скорой я кричу – не от страха, а от боли, которая рвёт изнутри. Виктор держит мою ладонь, шепчет:

– Ты сильная. Ты всё сможешь. Я здесь. Я с тобой.

– Алло, приёмное? Здравствуйте! Вчера к вам поступила с острой болью Анжелика Владимировна, скажите, что с ней? Аппендицит? Операция была?

– Минуточку... так... Владимировна... ой, так девочку она родила, 2 кг 600 г, рост 45 см. У вас дочка! Поздравляем!!

«Дочка...» – мысль прокатилась волной, смывая всё лишнее.

«Всё ясно... полнота, резкие боли... Ясно и то, что мне

нужны объяснения...»

– Витюша, привет! Смотри, смотри! Девочка! Какая маленькая! Такая смешная! Так забавно лобик морщит! Крошечка моя! Витя! Ты видишь, видишь? – материнской радости не было предела, меня просто захлёстывали эмоции счастья.

Он стоял в дверях палаты, бледный, с трясущимися руками. Сделал шаг вперёд, заглянул в кроватку.

– Лица... скажи мне честно... чья эта дочь? Только честно!

И тут я сломалась.

Всю жизнь буду себя ругать за этот момент. За своё малодушие. Всегда казалась себе такой сильной, стойкой, верящей в свои убеждения. А тогда... не смогла. Не смогла честно соврать.

– Это, Витя, дочь моя и... Андрея... того, ну, ты помнишь...

Тишина.

Он закрыл глаза, сжал кулаки. Потом медленно выдохнул.

– Всё! Я услышал то, что хотел! Ты думаешь, Лица, я – дурак? До девяти считать не умею? Четыре месяца живём вместе – и вот, пожалуйста, заверните, заберите! Я всё понял. Мне надо подумать...

И ушёл.

Он ушел, а я осталась в роддоме – восстанавливаться после родов и учиться заботиться о малышке. Девочка моя ока-

залась очень активной и требовательной. Чуть голодная – такой крик поднимает, что нам в палате было слышно!

Я смотрела на неё и вспоминала... вспоминала все: первую встречу с Андреем, тёплые вечера с Виктором, свои мечты о счастливой семье. А теперь – вот она, реальность. крошечная жизнь на моих руках и тьма вопросов без ответов.

Через несколько дней мы были готовы к выписке.

Вечером пришёл Виктор. Он стоял в дверях, сжимая в руках пакет с детскими вещами. Лицо бледное, глаза – как будто выжженные.

«– Я очень люблю тебя, Лика», – сказал он тихо. – Ты мой единственный близкий человек. Я долго думал над ситуацией и принял решение: мы с тобой не станем менять наши планы. Распишемся и уедем из этого города к моим родителям. Начнём жить своей семьёй и забудем весь этот кошмар. Я спасу тебя от позора!

Он сделал шаг ко мне, но не дошёл. Остановился. И тогда произнёс то, от чего у меня внутри всё оборвалось:

– Но, дорогая моя, при одном условии... Ребёнка ты сдашь в детский дом. Знай, что я никогда, слышишь? Никогда не приму чужого ребёнка.

Тишина.

Только Вика тихонько всхлипнула во сне.

Я посмотрела на неё – на это маленькое существо, которое доверяло мне больше, чем кому-либо на свете. На её пухлые

щёчки, на крохотные пальчики, сжимающие край пелёнки.

И вдруг поняла: я уже не могу её отдать.

– Витя, – сказала я, чувствуя, как голос дрожит, но не от страха, а от ярости, – ты просишь меня сделать то, на что я не способна. Я не сдам её. Не отдам. Она – моя дочь. И я буду её матерью.

Он сжал кулаки.

– Ты не понимаешь! Это не просто ребенок – это напоминание о том, что было! О твоей ошибке! О моём унижении!

– Это не ошибка, – перебила я. – Это моя дочь. И если ты не можешь принять её – ты не можешь принять и меня.

Он замолчал. Смотрел на Вику, потом на меня. В глазах – боль, злость, растерянность.

– Значит, так, – выдохнул он. – Ты выбираешь ее.

– Я выбираю нас, – ответила я твёрдо. – Нас двоих.

Он бросил пакет на кровать, развернулся и вышел.

Первые дни наедине с Викторией стали для меня школой выживания – без учебников, без оценок, без права на ошибку.

Однажды утром я проснулась от тихого всхлипывания. Вика лежала в переносной кроватке, морщила лоб, но ещё не кричала – только предупреждала.

«Голодна? Мокро? Страшно?» – я лихорадочно перебирала в голове подсказки медсестёр.

Попробовала покормить – не берёт грудь. Поменяла подгузник – не помогло. Взяла на руки, прижала к себе – и вдруг она затихла, уткнувшись носом в мою шею.

– Так вот оно что, – прошептала я. – Тебе просто нужно чувствовать, что я рядом.

Ночью она плакала без остановки. Я ходила по комнате, качала, пела – всё бесполезно. В голове стучало: «Я не справляюсь. Я плохая мать».

И тут я вспомнила слова медсестры: «Иногда нужно просто остановиться. Взять её на руки, закрыть глаза и дышать вместе».

Я присела на край кровати, прижала Вику к груди, закрыла глаза и стала медленно дышать: вдох – выдох, вдох – выдох.

Через несколько минут её дыхание стало ровнее. Потом она зевнула. Потом уснула.

Я сидела так час – не шевелясь, боясь спугнуть этот хрупкий мир.

Но, через какое-то время стены роддома вдруг стали казаться мне клеткой. Белые, стерильные, без единого изъяна – как будто и не было этой бури внутри меня.

Я смотрела на Вику, спящую в кроватке, и чувствовала, как сердце рвётся на части.

«Она такая маленькая... такая беззащитная... а я? Что я могу ей дать?»

Медсестры хвалили меня: «Вы отлично справляетесь с кормлением», «она хорошо набирает вес», «какая чуткая мама!»

Но я не чувствовала себя чуткой. Я чувствовала лишь бесконечную усталость и страх.

Ночью Вика плакала, а я сидела рядом, обхватив голову руками. В голове крутились мысли:

Я не смогу её обеспечить, у неё не будет отца, я разрушу свою жизнь – и её тоже».

В один из дней я не выдержала и поделилась с женщиной рядом – она лежала после кесарева, её муж приезжал каждый вечер с цветами и детскими вещами.

– Я думаю... думаю отдать её, – прошептала я, не глядя на неё. – Я одна. У меня нет поддержки. Нет денег. Нет будущего.

Она помолчала, потом взяла мою руку.

– Знаешь, что я скажу? Это страшно – так страшно, что хочется убежать. Но если ты сейчас сдашься, ты всю жизнь будешь спрашивать себя: «А что, если?..»

– А если я сделаю ей хуже? Если она вырастет в нищете, без любви?

– Любовь – это не деньги. Это ты. Твои руки, твой голос, твоё сердце. Ты можешь быть бедной, но ты можешь быть рядом.

Утром я вызвала заведующую отделением. Говорила тихо, почти без эмоций – как будто это не я.

– Я хочу отказаться от ребёнка. Оформить документы в детский дом.

Врач посмотрела на меня внимательно, без осуждения.

– Вы понимаете, что это необратимо? Что потом могут быть... последствия для психики? Для вас, для неё?

Я кивнула.

– У меня нет другого выхода.

Она вздохнула, достала бланк.

– Тогда давайте заполним документы. Но я прошу вас: подумайте ещё сутки. Это неспешная процедура. И, да. Жаль, что вы не сказали об этом сразу. Мы бы ни разу не принесли девочку на кормление. Это не для Вас. Это для ее же блага. Поняв мать, она потеряет Вас и это сильнейший удар по детской психике.

Я сидела у кровати и смотрела на Вику. Она спала, слегка приоткрыв рот, ручки сжаты в кулачки.

«Ты не виновата. Это я слабая. Это я не смогла...»

Я протянула палец – она тут же схватила его, сжала крепко, как будто говорила: «Не уходи».

И тогда я заплакала – тихо, чтобы никто не услышал.

– Прости меня, – шептала я. – Прости, что я не могу быть тебе матерью. Прости, что струсил и дала слабинку. Но, я боюсь... всего боюсь: осуждения, остаться в одиночестве, стать никому не нужной. Девочка моя!!! Прости и пойми!! Я буду надеяться, что на твоём пути встретятся хорошие люди и они смогут стать для тебя настоящими родителями! И дадут тебе все, чего ты заслуживаешь. А я... а я, похоже, никудышная мать... эх.. доченька..

На следующий день я подписала документы. Руки дрожали, ручкой больше пачкала, чем писала, когда выводила эти страшные слова: «от ребёнка отказываюсь. Подпись».

Заведующая молча положила бумаги в папку, посмотрела на меня.

– Если вдруг передумаете... у вас есть месяц.

Я не ответила.

Вышла в коридор, села на скамейку. Рядом был телефон – я могла позвонить Маше, могла попросить помощи. Но не стала.

«Это конец», – подумала я. – «Но, теперь все будет иначе». И набрала номер Виктора.

После тяжёлого разговора о судьбе Вики Виктор словно очнулся. Он приходил каждый день, приносил цветы, сидел у моей постели и говорил:

– Лика, я всё обдумал. Мы должны быть вместе. Давай распишемся – и уедем. К моим родителям. Там спокойно, там нас никто не знает. Мы начнём с чистого листа.

Я смотрела на него и не знала, что ответить. Внутри всё ещё болела рана от принятого решения, но Виктор был настойчив.

– Это наш шанс, – убеждал он. – Ты и я. Никаких «если», никаких «но». Просто мы.

И я согласилась – не потому, что поверила в счастье, а потому, что не видела другого выхода.

Церемония была скромной: ЗАГС, два свидетеля, букет белых лилий. Я надела простое платье – без фаты, без кринолина, без мечты. Виктор смотрел на меня с надеждой, будто пытался прочесть в моих глазах то, чего там не было.

«– Ты красивая», – сказал он, когда мы вышли на улицу. – Самая красивая.

Я улыбнулась – из вежливости.

Мы уехали через неделю. Поезд уносил нас прочь от города, где остались: боль, воспоминания, Вика.

Родители Виктора встретили нас тепло, но настороженно. Свекровь оглядывала меня, будто пыталась понять: «Что за женщина вошла в наш дом?»

«– Вы будете жить в гостевой комнате», – сказала она. – Там всё готово.

Комната была аккуратной, но чужой. Я раскладывала вещи и чувствовала, как стены давят.

Вечером первого дня Виктор обнял меня за плечи:

– Ну вот. Всё позади. Теперь только мы.

Я кивнула, но внутри было пусто.

Ночью я лежала, слушая его дыхание, и думала: «А если бы я не подписала те документы? Если бы вернулась за ней?».

Я пыталась вжиться в новую роль: жена, хозяйка. Готовила ужин, убирала, улыбалась свекрови. Но каждое утро просыпалась с чувством, что что-то потеряла – что-то важное,

без чего нельзя дышать.

Однажды, развешивая бельё во дворе, я услышала детский смех. Через забор – соседская девочка лет пяти, в розовом платье, прыгает через скакалку.

Она увидела меня, улыбнулась:

– Тётя, хотите со мной?

Я замерла. Потом медленно подошла к ограде.

– Давай, – прошептала я. – Давай поиграем.

Девочка протянула мне скакалку, и я прыгала – глупо, неуклюже, – а она смеялась:

– У вас хорошо получается!

Когда я вернулась в дом, Виктор спросил:

– Где ты была?

– Во дворе. Играла с девочкой, – ответила я, не глядя на него.

Он нахмурился:

– С какой девочкой?

– Соседкой. Ей пять. Она... она похожа на...

Я замолчала.

Виктор подошёл ближе, взял меня за руки:

– Лица. Это прошло. Мы здесь. Мы вместе.

Но я уже знала: не прошло.

Прошло пять лет. Жизнь с Виктором обрела черты стабильности – не счастья, быть может, но порядка. Мы жили в доме его родителей, вели размеренное существование, где каждое утро начиналось с кофе, а каждый вечер – с тихих

разговоров за ужином.

И всё же в глубине души я знала: это не моя жизнь. Это – маска, которую я ношу.

Однажды утром я проснулась от странного ощущения – лёгкого, почти невесомого. Приложила руку к животу и вдруг поняла: я беременна.

Виктор, узнав об этом, сиял:

– Это знак, Лика! Знак, что мы всё сделали правильно. У нас будет семья. Настоящая.

Я улыбнулась, но внутри было пусто. Семья... а где же моя первая дочь?

Алиса появилась на свет тихой осенней ночью. Она была крошечной, с пушком светлых волос и глазами цвета неба. Виктор держал её на руках и плакал:

– Она – наша. Наша девочка.

Я смотрела на неё и пыталась почувствовать ту же радость, что и он. Но вместо этого в голове крутилось: «А как выглядит Вика? Какие у нее глаза? Какой смех?».

Вторая беременность стала для меня полной неожиданностью. Я не планировала, не мечтала – просто однажды снова ощутила это странное, знакомое чувство.

На этот раз родилась Лиза – темноволосая, с серьёзным взглядом и упрямым подбородком. Она напоминала мне... кого-то, но я не могла вспомнить.

Виктор смеялся:

– У нас теперь целый детский сад! Две принцессы!

А я смотрела на них и думала: «Две. Но где третья?».

Я с девочками проводила все свое время: гуляли в парке, читали сказки, лепили из пластилина смешные фигурки, пели песенки, которые я помнила из детства.

Алиса смеялась звонко, Лиза – тихо, с прищуром. Я обнимала их, целовала, шептала: «Вы – моё счастье», – и всё равно чувствовала, как где-то внутри живёт другая, невидимая дочь.

Ночью, когда девочки спали, я садилась у окна и думала: «Я мать. Но почему мне кажется, что я предала одну из них? Можно ли любить двоих, зная, что третья где-то одна? Если бы я вернулась тогда – что было бы?»

Иногда я доставала старую фотографию Вики – ту, что мне дали в роддоме перед тем, как я подписала документы. Смотрела на её крошечное личико и шептала:

– Прости меня. Я не смогла.

Виктор был хорошим отцом. Играл с девочками, учил их кататься на велосипеде, рассказывал сказки перед сном. Он верил, что мы счастливы. И, кажется, действительно так думал.

Но иногда, глядя на меня, он спрашивал:

– Ты... ты правда счастлива?

Я улыбалась: Конечно. И он успокаивался.

Однажды я все же попыталась найти Вику.

Я долго откладывала этот шаг – боялась, что не выдержу правды. Но однажды утром, пока Алиса и Лиза ещё спали,

я достала из тайника старую папку: фото Вики, копии документов из роддома, листок с номером телефона сотрудницы опеки, который, когда-то записала дрожащей рукой.

– Здравствуйте, – сказала я в трубку, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Меня зовут Анжелика Владимировна. Пять лет назад я оставила дочь в детском доме. Хочу узнать... хотя бы, как она живёт.

Молчание. Потом сдержанный ответ:

– Данные об усыновлённых детях закрыты. Мы не имеем права разглашать информацию.

– Но... есть же какие-то способы? Я не прошу адрес. Просто – счастлива ли она? Любящая ли семья?

– Сожалею, – голос стал суше. – Исключений нет.

Я положила трубку. В ушах стучало: «Нет. Так просто я не сдамся».

И решила лично съездить в отдел опеки и попечительства.

Через два дня я сидела в приёмной. Женщина за столом смотрела на меня без осуждения, но и без сочувствия.

– Вы понимаете, что даже если мы найдём сведения, вы не сможете увидеть ребёнка? У неё теперь другая семья.

– Я знаю, – кивнула я. – Но я должна знать, что с ней всё хорошо. Это... мой долг.

Она вздохнула, открыла компьютер.

– Давайте проверим, что можно сделать. Но предупреждаю: процесс долгий. Нужны основания.

– Какие основания?

– Например, медицинские. Если у ребёнка есть наследственные заболевания, о которых приёмные родители не знают...

Я замерла. У Вики ничего такого не было. Значит, и этого пути нет.

Зато я выяснила, что она не осталась в детском доме и в возрасте трех лет моя Вика попала в семью.

Другая семья

– Мариночка, счастье ты мое, как же я тебя люблю! Ты и представить себе не можешь, насколько я рад, что ты моя! Мы будем вместе всегда, проживем сотню лет, да я с рук тебя не спущу все эти годы, – кружась в свадебном танце, шептал новоиспеченный муж молоденькой жене, – я знаю, любой мужчина в этом зале завидует мне, о такой, как ты, мечтает каждый. А счастье-то вот оно – в моих руках!

Марина и вправду была хороша и мила в свои девятнадцать лет. Стройная, симпатичная – она привлекала к себе с первого взгляда, веселая и легкая характером, имела много друзей и подруг. Но женой стала самой первой из них всех. И нисколько не смущал ее тот факт, что жених ее старше на двадцать один год. Более того, она была уверена, что уж он-то точно за ручку поведет ее по жизни, обеспечивая прекрасное будущее.

Не с пустых слов девушка понимала суть жизни. Ее первая

и отчаянная любовь закончилась полным крахом. К своим годам уже пришлось познать полет мечты, головокружительные чувства и... полный отказ нести ответственность за будущее дитя, которому так и не суждено было родиться. После перенесенной личной трагедии Марина более тщательно смотрела на потенциальных женихов и, в итоге, остановила свой выбор на Сергее. Он старше ее, более опытен во всех вопросах – и работа, и жилье, и отношение к женщине – весь багаж знаний был им уже получен, а, значит, можно об этом не беспокоиться.

– Я устрою тебе райскую жизнь! Тебе со мной не придется знать горя! Я стану любить тебя так, как никого не любил раньше! – постоянно твердил мужчина. Но, как известно, мы предполагаем, а Бог располагает, и подарил молодой паре не совсем полноценного сына. Внешне мальчик был вполне нормальный, а вот «внутри» было много проблем. И врачи не порадовали, вынеся вердикт, что последующие дети будут только хуже.

– Ну ладно, Мариш, видно судьба такая, не печалься, воспитаем мы нашего сына не хуже других. А ребенка нам захочется... Детские дома никто еще не отменял, можем и там взять, если что, – успокаивал жену Сергей.

– Я не хочу чужого, не хочу, не хочу, – твердила Марина, осознавая, что и свой-то...

Не сложилось у молодой женщины чувство любви к собственному ребенку. То, о чем расппевают на всех языках, ста-

ло ей неведомым. Не смогла, как не пересиливала она сама себя, обнаружить хотя бы зачатки материнской нежности и заботы. Ей хотелось совсем другого. Долго спать, вкусно кушать, гулять вечерами. А тут – одни сплошные заботы, дерганья и нервы. «Кто вообще сказал, что женщина обязана любить свое дитя? А за что его любить? Не объяснили. Ну не могу я хорошо к тому, кто мой покой отнял бесповоротно и навсегда. Ребенок – это ужас! Сплошной и бесконечный рев, постоянные сопли и какашки, кошмар!» Марине уже все не нравилось в ситуации с появлением сына.

Но время идет, малыш подрастал, и молодой женщине, помимо бесконечных семейных обязанностей, пришлось еще и на работу выйти.

К слову сказать, романтика первых месяцев уже прошла, и жизнь привела ее в обычную колею – с готовкой, стиркой, уборкой и сыном. Сергей не видел в такой жизни ничего тяжелого или плохого. Он уже был женат однажды, и хлебнул горя по молодости. Во второй раз он все начал строить по-другому, более осмысленно и не торопясь. Что полностью не соответствовало понятиям его новой жены. Марина мечтала о сытой, веселой и безмятежной жизни. Но вот беда, рутину семейной жизни ни куда ни денешь. Надо что-то думать...

– Дорогой мой, я узнала сегодня на работе, что семье, которая усыновит ребенка, помимо пособия, полагается дополнительный отпуск из двенадцати дней. И вот что мне пришло в голову: может, есть смысл зайти в детский дом? – думая о

своём, рассказала мужу Марина – Андрею уже три года, пора бы ему брата или сестру завести, как думаешь, а?

– Ну что, идея хорошая, давай, займемся, – как всегда поддержал жену Сергей, – вот только маме твоей что скажем? Моя, думаю, будет не против.

– О, с моей мамой я разберусь, придумаем какую-нибудь историю, главное, чтобы ты все подтвердил, – легка на ответ была она.

И все получилось у них легко и непринужденно. В детском доме быстро пришли к общему соглашению, какого ребенка заберут и даже со сбором необходимых документов препятствий не возникло. Подходило время суда, который определял девочку в их семью.

– Мама, мне нужно с тобой поговорить. Дело в том, что у Сережи в Казахстане погиб близкий друг, там все ужасно, они с женой возвращались вечером домой и их сбил грузовик. Насмерть. Осталась девочка трех лет сиротой. Мы вот подумали, не отправлять же бедняжечку в детдом, жалко ведь все-таки. Зарабатываем мы хорошо, с жильем проблем нет, заберем ее себе, пожалуй, воспитаем, как родную дочь. Как ты смотришь на это? – Марина так легко врала, что верили все окружающие, и мама тоже.

– Да, чего только в жизни не случается. Бедная девочка! В таком возрасте и без родителей остаться. Ну что ж делать, если вы все продумали и рассчитали, дело-то ведь хорошее, конечно, забирайте. Когда вы туда собираетесь? – спросила

без всякой задней мысли будущая бабушка.

– Через неделю выезжаем. Пока там, на месте оформим все необходимые документы, через месяц, наверное, вернемся уже вместе с ней. Тебя же я попрошу с Андрюшкой остаться.

– Ну, какой разговор, Марина, обязательно останусь, поезжайте, делайте свое светлое дело! – напутствовала мама.

А супруги тем временем укатили по путевке на юг. Вот где Марина ощутила всю прелесть семейной жизни. Много гуляли, плавали, загорали, пили вино, строили грандиозные планы на будущее. Но, чем прекрасна жизнь – тем, что все в ней когда-то заканчивается и начинается снова. Пришло время вернуться домой. По пути они заехали в детский дом и забрали девочку собой.

– Знакомьтесь, это Вика, та самая девочка, которую мы спасли от участи жить в казенном доме, – весело рассказывала Марина многочисленной родне, собравшейся в тот день у них дома, – она немного боится, но это нормально, все-таки пережила огромный стресс!

– Иди к нам, Викуша, познакомься с братом, он давно уже тебя ждет, – подбадривал малышку уже дважды папа, – иди, не бойся!

Но глазами девочка искала только еду и, когда их усадили за стол, жадно принялась за нее под неодобрительные взгляды родственников...

– Где этот выродок, которого хотят выдать за сиротку?! –

некоторые аж отшатнулись от стены от резкого крика из коридора, – обманывать меня, бабушку вздумали! Я им устрою! Я вас всех сейчас выведу на чистую воду! – кричала она так, что соседи выглядывать начали.

– А, вот она где, за столом, нет, вы полюбуйтесь, люди добрые, за одним столом с моим родным внуком сидит эта оборванка! Да как ты смеешь, – и женщина, с невиданной ей силой, схватила девочку и потащила из-за стола. Последнее, что малышка успела, это схватить еще кусок и спрятать его в одежде. Толпа недовольно загудела.

– Зинаида, ты что, с ума сошла, как ты с ребенком обращаешься? Что она тебе сделала? Так же нельзя, успокойся! – градом посыпались на нее упреки.

– Мама, мама! Да что с тобой творится? – Марина попыталась было вступиться, но тут же отпрянула от гневного вопля матери:

– А ты вообще умолкни, поняла! Вы что думаете, самые умные, да? А все кругом одни идиоты? «Сиротку они приютили». Наврали все с три короба, а я должна вот так все проглотить?

– Мама, я все объясню...

– Один раз уже у тебя это проскочило, а сейчас ты меня послушай, – завелась Зина, – я была в детском доме, говорила с заведующей, представилась бабушкой и попросила показать мне ребенка, что там и сделали. И! Я! ЕЕ уже видела. Никакая она не «сиротка», это выродок! Ты меня поняла?

Выродок, не имеющий права с моим внуком находиться на одной территории. Ясно тебе? Куда хочешь, девай эту соплячку отсюда, но чтоб глаза мои ее больше не видели в этом доме.

– Мама, так ведь мы уже документы на нее оформили, записали на нашу фамилию, и даже дату рождения ей поменяли, чтобы вопросов не возникало, как я сейчас ее сдам обратно? – оправдывалась, как могла Марина.

– А мне плевать, ясно? Выбирай, или я, мать родная, или эта...

– Зинаида Аркадьевна, вы перегибаете палку, – вступился Сергей, – что за чушь несете, хоть сами-то понимаете?

– Помолчи, зятек! Заварил кашу, вот, расхлебывай сейчас. Я ведь понимаю, что это твоя была идиотская идея, Маринка бы никогда до такого не додумалась. Дети должны быть только свои, а чужих нечего подбирать, их государство должно воспитывать. Пусть хоть какой, но свой. Я этого ребенка никогда не приму и ноги моей не будет в вашем доме, пока она здесь. Я все сказала, до свиданья! – хлопнув дверью, вылетела из квартиры женщина.

И кто ей судья? Не надо было врать родной матери. Сказали бы все как есть и, может, обстоятельства сложились иначе. А так этим обманом они заложили фундамент в жестком обращении к ребенку.

Новые правила жизни

– Ты здесь не так просто живешь, понятно? – объясняла

мне мать, – ты обязана отработать каждый кусок хлеба. Вот тебе список ежедневных обязанностей: мыть посуду, полы, прибираться во всей квартире, выносить мусор, хлопать половики, ходить в магазин за продуктами и смотреть за братом, чтоб не упал и не поранился. А если станешь плохо их выполнять, будешь иметь у меня бледный вид, ясно?

Многое мне было не ясно в начале моей жизни. Некоторые вещи я считала вообще несправедливыми, но, думалось мне, так живут все девочки. Сразу при своем рождении попадают в кабалу. Просто нам не повезло родиться в женском обличье. Ведь брату моему жилось абсолютно иначе. Вот уж кто отхватил от жизни по полной вседозволенности и полным потаканиям своих прихотей.

– Сереж, она меня бесит, бесит, – жаловалась мужу на дочь Марина, – лезет ко мне со своими нежностями, а во мне одно лишь желание, треснуть по сильнее, да так, чтоб отбить эти привычки дурацкие. Еле сдерживаюсь, чтоб не ударить ее.

– А ты не сдерживайся, долго будешь держать себя в узде, умрешь от инфаркта, – пошутил Сергей, но жена уже сознанием ухватила за это его «разрешение». Кто бы мог подумать, какой садист сидел в ее голове! Он так и рвался наружу выплеснуть злую энергию на того, кто меньше и зависим. Кто будет молчать, несмотря ни на что. И кто сам виноват в том, что эта энергия родилась.

Кто виноват в том, что однажды женщина действительно

не стала себя сдерживать и отходила палкой девочку так, что чуть кости не переломала ей? И почувствовала легкую опустошенность в своем теле. А затем, когда черт опять вселился в ее мысли, снова и снова освобождалась от него проверенным способом. Меня били так, что до сих пор, хотя я уже давно взрослая, тяжело вспоминать свое детство. Без прикрас скажу, что я попала в семью садистов. От мала, до велика. Брат мой, хоть и был ребенком, чувствовал свою власть надо мной и помыкал, как мог. Папа, мама, бабушка... Мне страшно это вспоминать...

Однажды мы зимой с братом вдвоем пошли к бабушке в гости, та дала нам двадцать копеек и отправила в магазин. Бежим по лесенке, Андрей говорит:

– Вик, дай мне денежку, полдороги ты несла, сейчас я хочу. – Отдаю без задней мысли, приходим в магазин, берем хлеб, идем на кассу. Денег нет. Он потерял. Кладем хлеб обратно, возвращаемся домой и он с порога:

– Бабуш, мы хлеба не купили, она денежку твою потеряла, – врет и не краснеет брат, а я не успеваю что-либо сказать, бабушка за ухо тащит меня по квартире и кричит, что я неблагодарная тварь, мне было сделано одолжение, сходить в магазин, я даже это не могу и тому подобное... Кидает меня в угол, а я кричу от боли, держась за ухо и с моих пальцев капает кровь. Порвала мочку, вот как таскала. Я плакала так, что даже сердце матери не выдержало, и она снова из-за меня поругалась с бабушкой.

– Пошли вон отсюда, изверги, видеть вас не хочу больше! – шипела нам вслед бабуля, – чтоб ноги вашей в моем доме не было! Мой внук пусть приходит, а эту не смей сюда приводить!

С тех пор бабушка стала главным источником боли: это и физические наказания за малейшую провинность – шлёпки, дёрганье за волосы, тычки в плечо. И словесные унижения: «Ты не родная. Вас таких на помойке находят, глаза змеиные – всё замечаешь, да?»

И изоляция – бабушка запрещала мне заходить в гостиную, когда приходили гости: «Нечего позорить семью своим видом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.